

До и после смерча

Имя архитектора Владимира Сергеевича Баниге знакомо многим ярославцам. На протяжении ряда лет он руководил восстановлением древних архитектурных сооружений Ростова Великого после стихийного бедствия, жестокого урагана, пронёсшегося над городом в августе 1953 года.

О заслугах В. Баниге не раз писали в книгах и журналах (в том числе и автор этих строк), на восточной крепостной стене Митрополичьего двора в Ростовском кремле установлена мемориальная доска с упоминанием имени архитектора. Однако есть страница в жизни этого человека, известная немногим.

В публикациях времени «застоя» биография В. Баниге обрывалась в середине военных лет, а затем продолжалась начиная с памятного 1953 года, остальное вычёркивалось. Да и сам Владимир Сергеевич не любил вспоминать печальные для него годы. Лишь изредка в обрывках фраз всплывала эта тема. Однажды, когда я передал ему привет от нашего общего знакомого, инженера-строителя, разделявшего с ним трудную долю заключённого, он немного разговорился, но вскоре замолк. Многие я узнал уже после его смерти от людей, долго работавших с ним и знавших его в тюремные годы. Но прежде чем рассказать об этом — кратко о начале его жизненного пути.

В. Баниге родился в 1905 году в Санкт-Петербурге в интеллигентной семье. Отец его, Сергей Владимирович, был гражданским инженером (так тогда именовали архитекторов), профессором Академии художеств и института гражданских инженеров, крупным специалистом по отоплению и вентиляции. По его проектам построены многие жилые дома и промышленные сооружения, они хорошо сохранились и свидетельствуют о высоком профессиональном уровне архитектора, близкого в своих работах к стилю «модерн».

Род свой семья вела от давно обрусевших немцев и голландцев. Мать была хорошим музыкантом, и сын брал уроки игры на фортепьяно. В молодые годы учился в консерватории, но основной специальностью выбрал архитектуру, окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. В возрасте тридцати лет стал руководителем архитектурно-художественной мастерской, проектировал интерьеры общественных зданий и морских судов.

В первый год войны возглавил аварийно-восстановительную мастерскую, в задачу которой входило противоаварийное укрепление и фиксация повреждённых авиабомбами и снарядами исторически ценных зданий, памятников архитектуры. В 1943 году награждён медалью «За оборону Ленинграда» и в том же году был арестован и осуждён на десять лет. О причине ареста упомянул лишь однажды: «Имел неосторожность сказать, что немцы и финны хорошо организованы и дисциплинированы». Этого было достаточно, чтобы после доноса одного из присутствовавших при этом разговоре обвинить в распространении пораженческих настроений.

Заключение отбывал в старой петербургской тюрьме, расположенной рядом с Александроневской лаврой у речки Монастырки. Этот «тюремный замок», как и печально известные Кресты, был построен ещё в прошлом веке из красного кирпича, имеет крестообразную форму и производит и сейчас внушительное впечатление. Во время одного из своих приездов в Питер я прошёлся по берегу Монастырки, посмотрел на «Арестный дом», мысленно поклонился Владимиру Сергеевичу, у которого отняли десять лет жизни и творчества.

В 1940-х годах здесь располагалась исправительно-трудовая колония-1, подобная той, что описана А. Солженицыным в романе «В круге первом». В этой спецтюрьме находились в заключении учёные, инженеры, архитекторы, иногда они выполняли работы, близкие к своей специальности, по заказу Министерства внутренних дел. Изредка подобные работы приходилось

выполнять и В. Баниге, но в основном в ИТК-1 делали мины, столярные изделия, картонные коробки.

Режим в колонии был строгий, передачи и письма редки. В дни советских праздников устраивали концерты самодеятельности, некоторые из заключённых и на воле выступали на сцене. Владимир Сергеевич иногда тоже выступал как пианист или аккомпаниатор. Но эти редкие минуты радости лишь подчёркивали тяжесть подневольной жизни.

Последние годы заключения он провёл в московской тюрьме — «шарашке», где содержались квалифицированные специалисты, выполнявшие специальные и часто секретные работы.

Десятилетний срок должен был кончиться в 1953 году, но надежд на освобождение было немного. Нужных специалистов часто оставляли, «приклеивая» второй срок. Но в марте 1953 года умер И. Сталин, страна начала переосмысливать свою эпоху, бесчеловечные порядки стали смягчаться, заговорили о правах и законах.

По окончании срока Владимира Сергеевича без задержек выпустили на свободу. Перед выходом даже вручили новый костюм.

По правилам тех лет осуждённые по политическим статьям, выйдя на свободу, не имели права жить и работать в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик, а некоторые — и в областных городах. Владимир Сергеевич для своей новой жизни и работы выбрал небольшой, но прославленный своими архитектурными сооружениями город — Ростов Великий. На Ярославской земле оченьгодились его знания, организаторские способности, талант исследователя и архитектора, здесь к нему пришли уважение и известность.

В Ростове В. Баниге жил сначала на квартире в домике у Спасо-Яковлевского монастыря, затем перебрался в садовую круглую башню Митрополичьего двора, где не раз приходилось бывать автору этих строк и всегда радоваться общению с этим интересным человеком и собеседником. Беседы касались архитектуры, музыки, истории России и Ярославской земли и очень редко темы, затронутой в этой статье.

Сегодня исполняется 25 лет со дня смерти В. С. Баниге.